

В. В. СОЛОМАТИН
Тюменский университет

**ПЬЕР-ФРАНСУА РЕАЛЬ –
ЗАЩИТНИК БАБУВИСТОВ И ГРАФ ИМПЕРИИ
(ПОРТРЕТ ОРДИНАРНОГО ЧЕЛОВЕКА
В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)**

«Движение по политическому спектру вправо...». За последние два столетия эта фраза стала вполне ординарной для политической практики и общественной жизни Франции. Почти каждый политический деятель в течение своей длительной и успешной карьеры совершает движение в данном направлении. Необходимо также подчеркнуть, что неукоснительное соблюдение генеральной линии, начертанной условиями политического бытия, есть залог успешной карьеры. Исключений из данного правила немного, и судьба людей, отказавшихся следовать подобному пути, весьма трагична: Робеспьер, Жорес, Эррио – те немногие, кто отказались принять правила игры и поплатились карьерой и жизнью.

Первые наглядные примеры этого явления мы находим в период Великой Французской революции, которая вынесла на поверхность самых различных людей, преследовавших во многом не совпадающие цели: честных революционеров, авантюристов и просто случайных людей. Они с легкостью покидали всех своих покровителей и хозяев, когда от них отворачивалась удача или ради еще большей выгоды, которую им сулила уникальная, неповторимая эпоха. Один из таких людей – Пьер-Франсуа Реаль.

Пьер-Франсуа Реаль (1757–1834) – публицист и политический деятель Франции. Родился в Париже в достаточно обеспеченной судейской семье третьего сословия. По образованию юрист. В начале своей карьеры занимался адвокатской практикой, затем был прокурором королевского суда Шатле. В молодости Реаль много читал, в основном французских просветителей, увлекаясь новыми идеями, все более завоевывающими общественное мнение. С начала революции (каждая из них всегда является благодатным полем для всех честолюбцев) Реаль принимает в ней активное участие и вступает в Якобинский клуб.

О Реале еще в начале Революции поэт – романтик Андре Шенье, трагически погибший 8 термидора, накануне падения якобинцев, сказал: «И Реаль?... Что же – Реаль реализует»¹.

Активный участник Революции с первых ее дней, он определял свою политическую позицию в зависимости от сложной обстановки, складывавшейся в стране. Реаль весной и летом 1792 г. примыкает к жирондистам и посещает их салоны, поддерживает дружеские отношения со многими ведущими представителями «партии порядка». Затем он переходит к якобинцам, становится членом Клуба кордельеров, пользуется покровительством Данто-

Вячеслав Вячеславович Соломатин, аспирант кафедры новой истории и международных отношений ТюмГУ, занимается наследием Гракха Бабефа.

¹ Эренбург И. Смерть Бабефа // ФЕ 1960. М., 1961. С. 238.

на. Во время диктатуры комитетов Реаль занимает пост заместителя прокурора – синдика Коммуны Парижа.

В период якобинской республики Реаль приобретает репутацию доброго патриота и одного из вождей санкюлотерии, может быть, не совсем заслуженную. Один из лидеров «бешеных», Жак Ру, объявивший себя преемником и продолжателем дела Марата, 16 июля 1793 г. в его газете «Публицист французской Республики», которую он продолжил издавать, скорбел о смерти Друга народа, но в конце передовицы оптимистически заявлял, что в Париже еще много истинных друзей санкюлотов, и «Слова Гора, Паш, Шометт, Эбер, Реаль, Анрио обладают, так сказать, магической силой и должны служить своего рода целительным бальзамом»².

Летом 1793 г. Реаль, «добрый патриот» и ортодоксальный якобинец, поддерживает идею всеобщей воинской повинности, или, как тогда говорили, идею всеобщего набора. Как один из представителей Коммуны, он ведет агитацию с трибуны муниципалитета. 4 августа 1793 г. Реаль, первый заместитель прокурора, заявил на заседании Генерального совета: «Нам часто говорили: «Поднимемся, все как один»; час настал». По его предложению, Коммуна 5 августа принимает соответствующую петицию Конвенту³.

Весной 1794 г. он был арестован как дантонист и освобожден только после переворота 9 термидора⁴. В период термидорианской реакции и Директории Реаль активно занимается журналистикой, издает газету, официальный орган французского правительства, при его открытой финансовой поддержке, участвует в политических процессах, защищает политиков самого различного политического спектра от крайне правых публицистов и роялистов, подобно Комартену и Лакруа, до ультралевого «нантского палача» Каррье. Данный период политической карьеры Реаля безусловно интересен для понимания истоков головокружительного взлета ординарного исторического персонажа, важнейшего функционера Империи, ставшего одним из немногих личных друзей Наполеона, однако он напрямую не имеет отношения к теме нашей статьи, и в силу этого представлен схематично.

Новая веха в бурной и интересной жизни Реаля связана с участием в Вандомском процессе, и что на первый взгляд может показаться нам удивительным, в качестве защитника своего недавнего оппонента в прессе, врага номер один его обожаемой Директории Г. Бабефа. В мае 1796 г. полицией был раскрыт т. н. «заговор равных», организатором и душой которого был Г. Бабеф, в результате доноса Гризеля, одного из участников движения, сообщившего Карно имена его участников, состав Повстанческой Директории и планы вооруженного выступления. «Равные» были арестованы. Среди бабувистов был Жан-Батист Друэ, член Совета пятисот, сумевший с помощью Барраса скрыться и судимый заочно. Директория стремилась вынести процесс за пределы столицы, поскольку не без оснований полагала, что парижские санкюлоты попытаются освободить арестованных инсургентов; на это она имела формальный повод. Согласно конституции III года, если среди обвиняемых на каком-либо процессе находился депутат Законодательного корпуса, то суд, рассматривающий дело, должен был находиться вне Парижа. Местом своего пребывания суд избрал Вандом.

² Гусейнов Э. Е. Жиронда в период Законодательного собрания // Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989. С. 60.

³ Там же. С. 63.

⁴ Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб., 1996. С. 181-195.

Главной целью Вандомского процесса, с точки зрения властей Республики и прежде всего исполнительного директора Карно⁵, было осуждение и казнь лидеров «равных». Другой исполнительный директор, Баррас, не желая раскола в лагере республиканцев перед лицом роялистской угрозы, предложил замять дело. Когда это предложение было отвергнуто остальными членами Директории, он рекомендовал Реаля, которого хорошо знал в качестве адвоката «равных»⁶, который защищал участников первого организованного коммунистического движения. Возможно, он помнил бескорыстную помощь Бабефа и кампанию, развернутую им в своей газете в «деле о петиции», возможно, преследовал свои цели или выполнял просьбу Барраса. Опытный юрист, первоклассный адвокат, он прекрасно осознавал, что исход процесса предрешен, и его усилия не помогут обвиняемым. Он не был официальным, назначенным Директорией адвокатом, сами обвиняемые попросили его в ходе процесса быть их защитником. Реаль был активен на суде и выступал с воодушевлением. Но громкий процесс, продолжавшийся восемь месяцев, приближался к своему завершению. О деятельности Реаля свидетельствует, в частности, сухое изложение хода судебного разбирательства, извлеченное из газеты Эзина: «Заседание 2 жерминаля. Допросив Бабефа по поводу различных сочинений, приписываемых ему, председатель распоряжается огласить акт о восстании. Бабеф заявляет, что не знаком с ним и не является его автором; он пытается пояснить, каким образом этот документ оказался среди его бумаг. Председатель: Для произнесения ответных речей вам слово предоставлено не будет... — Напрасно Бабеф, напрасно Реаль призывают на помощь себе закон, замечая председателю, что ведь он сам свои вопросы отредактировал письменно, что национальные обвинители говорят по заранее написанному тексту, и только обвиняемые лишены такого права. — Председатель прекращает все споры словами: Замолчите, гражданин Реаль. Жом, официальный защитник: Я напоминаю Верховному суду свидетельское показание Гризеля, заявившего, что Акт о восстании не был составлен ни одним из обвиняемых. Бабеф: Вместе с тем Гризель показал, будто я огласил этот акт на заседании 11 флореаля. Я утверждаю, что не знаю Гризеля и не имею понятия о названном заседании. Оглашается документ, в котором речь идет о сведениях, запрошенных у Бертрана (из Лиона). Вьейар, верный своему правилу все опорочивать, заметил, что этот гражданин был расстрелян по решению Военной комиссии Тампля. Реаль: К чему без конца вспоминать имя Бертрана в этом зале, когда его злополучное дело уже должным образом оценено всей Францией! Байи: Обвиняемые поминутно заговаривают о нем. Коше: Кто может запретить демократам оплакивать их убитых братьев? Дарте: Вся Франция признала, что члены ужасной Комиссии Тампля являлись убийцами. Эта истина только что прозвучала с трибун Законодательного корпуса. Бертран, этот злосчастный Бертран, был арестован больше чем за 4 лье от Гренеля. Его палачи осуждены на всеобщую ненависть»⁷. Подобные жаркие дебаты продолжались в течение многих дней, но вряд ли они могли изменить ход событий. Подробно ход процесса описан академиком Е. В. Тарле в очерке «Дело Бабефа»⁸.

Несмотря на все старания Реаля, требовавшего более детального расследования и заявлявшего о недостатке прямых улик против обвиняемых, процесс был ускорен, и дело было рассмотрено в спешном порядке: Директория требовала не суда, а судилища.

⁵ Там же. С. 185.

⁶ Там же. С. 186.

⁷ Ревуненков В. Г. Указ соч. С. 190.

⁸ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 3. М., 1979. С. 126.

Между судьями и их противниками возникали регулярные стычки. 16 жерминаля столкновение произошло во время допроса Пийе (приказчик до Революции, секретарь Ф. Лепеллетье, переписчик у Бабефа, арестованный вместе с ним). Председатель суда Гандон, после всех попыток заставить Бабефа замолчать и не подвергать сомнению его профессиональную компетенцию и умение вести допрос, заявил, что лишает его возможности защищаться, и отдал распоряжение вывести его из зала суда, что и было сделано. Только благодаря вмешательству главного защитника обвиняемых Пьера-Франсуа Реалья Бабеф был возвращен в зал суда⁹.

Прения сторон закончились 1 прериала. Защищая Бабефа и его соратников, он сильно рисковал своей репутацией юриста и чиновника в глазах Исполнительной Директории, требовавшей головы Бабефа и Дарте. Может быть, Реаль обладал выдающимся политическим чутьем и предвидел падение режима термидорианцев, осознавал недолговечность власти Директории? И. Эренбург полагал, что Реаль достаточно халатно отнесся к своей задаче — защите «равных», не приложил для их оправдания всех усилий¹⁰. Он в блестящем очерке «Смерть Бабефа» дал следующую, весьма нелестную характеристику защитнику «равных»: «Главный защитник, гражданин Реаль, был хорошим адвокатом и хорошим дельцом. Несколько месяцев тому назад в своей газете он уверял, что Бабеф получает субсидии от Питта. Теперь он решил защищать бабувистов: как можно было пропустить столь громкий процесс? Расторопный адвокат решил из очередной трагедии извлечь пользу»¹¹. Это утверждение, на наш взгляд, несправедливо, и документы процесса, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят нам об этом. Он сделал все, что мог для спасения бабувистов, и даже более... Возможно, И. Эренбург согласился с мнением Буонарроти, который писал, что на процессе «было несколько защитников. Они затянули заседание многочисленными возбужденными ими инцидентами и иной раз расходились во взглядах с подсудимыми, намерения которых они ни разу не осмелились оправдать. Подлинными защитниками дела (бабувистов) были Бабеф, Жермен, Антонелль и Буонарроти»¹².

В ходе процесса у защитника установились тесные и доверительные отношения почти со всеми главными обвиняемыми (Бабефом, Буонарроти, Жерменом и др). Со всеми, кроме Дарте, который, как и его бывший покровитель и друг, ярый террорист Ж. Лебон, против которого Реаль в свое время вел интенсивную кампанию в газете, весьма его недолюбливал. Вновь обратимся к замечаниям И. Эренбурга, весьма тонко восстановившего тот уровень психологического напряжения, который имел место на заседаниях суда. «Среди подсудимых особенно смущал Реалья угрюмый Дарте. Он так и не согласился с доводами товарищей. Он решил молчать. На вопросы председателя он отвечал коротко:

— Не вам меня судить»¹³.

Завершая процесс, Реаль произнес блестящую речь: «Я был сначала только защитником этих людей... — закончил он ее, — но сейчас я стал их отцом, их братом, другом — больше того, их жизнь стала моей жизнью, их кровь течет в моих жилах». Обращаясь к присяжным заседателям, Реаль призвал их: «В ваших сердцах есть справедливость и человечность, проявите же их и выскажитесь!» Как передает «Газета Верховного суда...»,

⁹ Там же. С. 127.

¹⁰ Жорес Ж. Указ. соч. С. 239.

¹¹ Там же. С. 512.

¹² Ревуненков В. Г. Указ. соч. С. 215.

¹³ Ревуненков В. Г. Указ. соч. С. 264.

«Бабеф и его сын обняли Реаля — слезы умиления и признательности выступили на глазах у всех троих. Эта трогательная сцена усилила то волнение, которое уже возбудила во всех чувствительных сердцах заключительная часть речи Реаля». Был ли он искренен в этой ситуации, или его, как и многих участников процесса, захватили сочувствие к обвиняемым, всеобщее воодушевление и пафос? Трудно ответить на этот вопрос. Вспоминал ли эту сцену Реаль, когда он стал довереннейшим лицом Наполеона, который доверял ему, недавнему вандомскому защитнику Бабефа, самые секретные и подчас самые постыдные миссии?¹⁴ Напряжение процесса было настолько велико, что и «видавшего виды» Реаля, человека далеко не слабого, охватило волнение вперемешку со страшной усталостью. При входе в зал присяжных Реаль уронил книгу. Начался последний акт великой драмы¹⁵. Приговор присяжных — смертная казнь Бабефу и Дарте.

Председатель суда в отсутствие обвиняемых предписывает, чтобы оправданные были освобождены. Остальных семерых по одному в течение четверти часа вводят в зал заседания. Бабеф появляется первым, за ним Дарте и Буонарроти, Реаль по просьбе Бабефа подходит к нему. «Не скрывай от меня ничего, — говорит он, — я готов ко всему, и выражение лиц присяжных заседателей предвещает мне, что я осужден на смерть; я тебя заклинаю — не нужно никакой отвратительной предосторожности, скажи мне правду». — «Ты осужден на смерть», — ответил Реаль. — «Как, — сказал Бабеф, — они могли заявить, что заговор существовал!» — «Нет, это по пятой серии вопросов, ты осужден на основании закона от 27 жерминаля IV года». — «Но ведь он больше не существует. Могу ли я взять слово?» — «Конечно». — «Нет, я не стану говорить, присяжные заседатели не захотели быть справедливыми. Я не могу ожидать большей справедливости от судей. Они давно решили осудить меня на смерть. Я больше не буду говорить. Смерть за статьи и один год заключения для уличенных в заговоре роялистов!.. Нет, я не хочу говорить»¹⁶.

Несмотря на то, что Реаль приложил все свои таланты, весь свой дар красноречия и блестящее знание законов, процесс был проигран. Казалось, это очередной провал, его новая неудача. Поражение Реаля было несомненным. Но есть в истории юриспруденции поражения сродни победе... Именно так результаты процесса восприняли современники. Авторитет Реаля в то время был чрезвычайно высок.

Бабеф и Дарте, повторяя подвиг мучеников прериала, пытались поразить себя в зале суда самодельным ножом. Но безуспешно, они нанесли себе всего лишь жестокие раны. Адвокатская мантия гражданина Реаля, находившегося рядом с Бабефом, была вся в крови¹⁷. Эта трагическая сцена навсегда осталась в памяти Пьера — Франсуа. Годы спустя он с гордостью вспоминал, что защищал Бабефа, и открыто говорил об этом даже всесильному первому консулу.

После гибели Бабефа он оказывает поддержку его семье. Наряду с Феликсом Лепеллетье он принимает участие в воспитании его сына Робера — Эмиля Бабефа, старшего сына Гракха Бабефа. Первенец Бабефа, на которого отец возлагал такие большие надежды, совершенно не оправдал их. В юности сын трибуна был другом сына Реаля, графа и любимого наполеоновского вельможи, сам ставший впоследствии бонапартистом, Эмиль Ба-

¹⁴ Сен-Жюст Л.-А. Речи. Трактаты. СПб., 1993. С. 84-85.

¹⁵ Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 77.

¹⁷ Собуль А. Указ. соч. С. 85.

беф, как писал о нем Ж. Буржен, шел от одного отречения к другому. Он не унаследовал идейного мужества и политической стойкости отца. Возможно, здесь сказывалось влияние и пример Реаля и тех «моральных ценностей», которые были главными в новой семье Эмиля и приносили ей успех¹⁸.

На выборах VI года Реаль вновь участвовал в избирательной компании, он выдвинул свою кандидатуру в Законодательный корпус. Однако все его усилия снова оказались безуспешными; кампанию он в очередной раз проиграл. На выборах его кандидатуру поддерживал Марк – Антуан Жюльен, недавно вернувшийся во Францию из Италии, известный республиканец, доверенное лицо Робеспьера, некоторое время примыкавший к движению бабувистов и бывший личным другом Бабефа; в будущем, как и Реаль, активный бонапартист – республиканец. Положительная характеристика, данная Бабефом своему защитнику, была причиной подобной позиции Жюльена¹⁹.

Реаль, блестяще защищая бабувистов, имел устойчивую репутацию левого, пользовался большим авторитетом и популярностью среди неоякобинцев, которые серьезно рассчитывали на его опыт и помощь в возможном государственном перевороте, который должен был уничтожить прогнившую Директорию и восстановить правительство Общественного спасения и принципы 93-го года. Представители «нотаблей» и политической элиты Франции вели активную пропагандистскую кампанию против последних левых. Автор антиякобинского памфлета Дюшам включил Реаля в состав революционного трибунала наряду со многими бабувистами, его бывшими подзащитными, в качестве общественного обвинителя. Однако нам сложно сказать, какого мнения по этому вопросу придерживался Реаль²⁰.

Летом и ранней осенью 1799 г. Реаль некоторое время посещал заседания клуба «Манеж», где в вместе с ним политической деятельностью занимались многие бабувисты, прекрасно знакомые ему по Вандомскому процессу. Одновременно он завсегдатай элитарных салонов мадам де Сталь и Жюльетты Рекамье, где разрабатывались принципы т. н. «ревизионистского» движения, целью которого была ликвидация термидорианской конституции и установление режима жесткого авторитаризма. Ведущие идеологи движения Сийес, Талейран, Редерер и Тибодо предполагали, что переворот должна осуществить «шпага», управляемая «головой». На роль «шпаги» прочили одного из популярных республиканских генералов – Бернадотта. Летом 1799 г. резко возросли шансы вернувшегося из Египта генерала Бонапарта²¹. Реаль все более зримо демонстрировал свои симпатии к сторонникам сильной власти и вскоре был исключен из «Манежа» как умеренный, однако, как нам представляется, об этом он сильно не жалел²².

Итак, побеждающий бонапартизм становится путеводной звездой «старого кордельера». Бывший заместитель Шометта в Парижской коммуне, защитник ряда бабувистов на Вандомском процессе П.-Ф. Реаль (один из будущих организаторов государственного переворота) писал в тюрьму Буонарроти еще во время пребывания Наполеона в Египте: «Мы имеем известия из Египта. Бонапарт является там хозяином, и он его революционизировал. Что бы вы ни говорили, приобщение Италии и Египта к свободе, 13 вандемьера и 18 фрюктидора, осуществленные его гением и его мужеством, ставят этого человека в число первых защитников народного дела. Сколько чудес, воз-

¹⁸ Бабеф Г. Соч. Т. 2. М., 1976. С. 409-410.

¹⁹ Далин В. М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785-1794). М., 1963. С. 542.

²⁰ Собуль А. Указ. соч. С. 438.

²¹ Бабеф Г. Соч. Т. 3. М., 1977. С. 352.

²² Там же. С. 532.

можно, суждено еще ему осуществить, и, кто знает, не ему ли вы окажетесь обязанным своим освобождением? Этого человека ненавидит правительство и обожает народ». Осенью 1799 г. эта республиканская репутация очень помогла Бонапарту. Реаль искренне, как и большинство французов, разделял эти убеждения²³.

Реаль активно поддерживал Бонапарта, высадившегося на территории Франции в бухте Фрежюс 9 октября 1799 г. и прибывшего в Париж 16 октября после триумфального путешествия по стране. Он включается в подготовку государственного переворота, он неоднократно бывает дома у Бонапарта на приемах, которые устраивает Жозефина в особняке на улице Шантерен²⁴. Деятельно участвуя в государственном перевороте, активный представитель политической элиты, Реаль использует свои обширные связи для поддержки Бонапарта. Но одновременно он не порывает с Баррасом и официальной исполнительной властью в его лице, чтобы иметь возможность для отступления в случае неудачи переворота. Когда окончательно вырисовываются контуры близкой победы, Реаль всецело на стороне Наполеона. Последний посылает его, как и ранее Талейрана, для переговоров с Баррасом, с целью нейтрализации могущественного директора²⁵.

Министр полиции, Жозеф Фуше, как и многие политические деятели уходящего в прошлое режима, решил в последний момент присоединиться к заговору против Директории. Он едет на улицу Шантерен и велит доложить о себе генералу Бонапарту. Но Наполеон отказывался принимать незначительного и к тому же вызывающего у него отвращение лионского палача, который, как и он сам, был обязан своим стремительным взлетом Баррасу. Жозеф Фуше битый час терпеливо ждет в передней генерала, и ему, быть может, пришлось бы и два, и три часа просидеть в кресле, сердобольно предложенном ему лакеем, не случись нашему главному герою, Пьеру-Франсуа Реалю, увидеть всемогущего министра, у которого добивается аудиенции весь Париж, в столь жалком положении. Испуганный таким злополучным промахом, он вбегает в комнату генерала, взволнованно сообщая ему об ужасной ошибке: осторожный Реаль говорит Наполеону, что как можно так оскорбительно заставляя ждать именно того, кто одним движением руки может сорвать всю их затею. Предупреждение Реаля возымело действие. Бонапарт тотчас же поспешно выходит к Фуше, очень вежливо просит извинить его и два часа разговаривает с ним с глаза на глаз²⁶.

Фуше был прекрасно осведомлен о заговоре. Его главным информатором была супруга первого консула – Жозефина Бонапарт, которой министр в качестве взятки передавал значительные денежные суммы. Другим, правда, бескорыстным информатором Фуше, был Реаль, один из основных участников заговора²⁷. За несколько дней до государственного переворота Фуше устраивает званый вечер. На него были приглашены в полном составе все заговорщики. Приглашенные на этот интимный вечер Бонапарт, Реаль и другие участники «дела» некоторое время опасались, что Фуше отдаст приказ жандармам об аресте всей компании, и пережили несколько неприятных минут. Подобное унижение Наполеон и Реаль не забудут никогда, и каждый в будущем найдет возможность отомстить Фуше. Однако всемогущий министр полиции и не собирался арестовывать Бонапарта, на которого он сделал ставку. Он всего лишь продемонстрировал ему свои большие возможно-

²³ Там же. С. 534.

²⁴ Бабеф. Г. Соч. Т. 3. С. 532.

²⁵ Там же. С. 64.

²⁶ Бабеф Г. Соч. Т. 3. С. 78.

²⁷ Там же. С. 98.

сти, и люди, подобные Фуше, не прибегают к подобного рода прямолинейным действиям. Фуше был широко известен во Франции как создатель мощной государственной полицейской организации, контролировавшей все сферы общественной и политической жизни. В обществе Фуше стремился убедить всех в том, что его агенты многочисленны и вездесущи. На самом же деле, как уверял Реаль, близко знавший самого Фуше и весь механизм деятельности министерства полиции, ни у кого не было так мало агентов, как у главы полицейского ведомства. Реаль, сам некоторое время, как мы увидели выше, являвшийся агентом министра полиции, утверждал, что Фуше весьма мало доверял сведениям, приносимым ему агентами. Он, как утверждал Реаль, прежде всего опирался на свое чутье и безошибочную интуицию. Отношения между министром и подчиненным всегда были сложными и неоднозначными. В дни, предшествующие перевороту 18 брюмера, Фуше держал все нити заговора в своих руках и манипулировал своими подчиненными, в значительной мере облегчая себе возможности к отступлению в случае провала переворота. Одним из них был герой нашего рассказа. Реаль, как утверждал со слов Фуше бывший секретарь Наполеона Бурьенн, был доверенным лицом министра полиции. В своих воспоминаниях Бурьенн сообщал о том, что «Реаль под руководством Фуше действовал в провинции и, соображаясь с наставлениями своего начальника, искусно устраивал все так, чтобы, не вредя Фуше, погубить тех, от коих министр получил свою власть». Фуше через Реаля предупреждал Наполеона: «Не должно терять времени. Фуше сказал мне еще 4 брюмера: «Скажите вашему генералу, чтобы он поспешил; если он замедлит, то он погиб».

Как мы видим, его роль как посредника была чрезвычайно важной. Ведя переговоры с властями термидорианской республики, доживающей последние дни, Реаль был занят по поручению Бонапарта поиском материальных средств и вел активные консультации с банкирами и финансистами. Он неоднократно встречался с банкиром Ле Куте, от которого добился финансовой поддержки для заговорщиков. Возможно, именно Реаль способствовал личной встрече и договоренности между генералом и дельцом.

Со времени возвращения Бонапарта прошло немногим больше трех недель. На этот раз «груша созрела»! «Так вы считаете это возможным?» — задал Наполеон вопрос одному из активнейших организаторов переворота, П.-Ф. Реалю, ставшему в дальнейшем, по выражению В. М. Далина, его довереннейшим лицом. «Дело на три четверти уже осуществлено», — отвечал Реаль.

После переворота 18 брюмера Реаль и Фуше действуют рука об руку, ведя свою умелую контригру против политических соперников их нового хозяина, пытавшихся навязать стране проект конституционного устройства, противоречащий основным устремлениям консула Французской республики. Главой антибонапартистской оппозиции был один из консулов, небезызвестный аббат Сийес. Наполеон поручает выведать, в чем, собственно, заключается проект Сийеса. По распоряжению министра полиции Реаль, «умница, весельчак и циник... с физиономией тибетской кошки», подпоив на дружеском обеде доверенное лицо Сийеса М.-Ж. Шенье, знаменитого поэта, бывшего члена Конвента и якобинца, родного брата упоминавшегося в начале статьи Андре Шенье, а впоследствии ярого бонапартиста, разузнал все относительно конституционных планов его друга. На основе сведений, переданных Фуше через Реаля, первый консул подготовил свой контрпроект.

Подобные услуги не забываются, и Бонапарт, став I консулом, привлек к управлению «Францией нотаблей» многих деятелей Революции и якобинской диктатуры. В их числе и Реаля.

Усилия и заслуги Реаля в деле утверждения бонапартистского режима во Франции не пропали даром. Наполеон назначил своего верного союзника членом Государственного Совета. В числе многих других брюмерианцев Реаль приступает к строительству нового государственного режима.

Едва укрепив свои позиции после победы над Австрией, консульский режим Бонапарта подвергся серьезному испытанию. Вечером 3 нивоза (24 декабря) 1800 г. Наполеон выехал из Тюильри в оперу на премьеру оратории Гайдна. Первый консул торопился, карета ехала быстро. На повороте улицы Сен – Никез раздался оглушительный взрыв. Карета, где ехал Бонапарт, проскочила, и глава государства уцелел. Наполеон был в ярости, обрушил на несчастного министра полиции Фуше поток нецензурной брани и потребовал жестокой расправы над организаторами взрыва.

Первый консул потребовал в Государственном совете суровых репрессий – казней, ссылок. Составление проскрипционных списков было поручено тому же Фуше. Он безропотно принял возложенное на него поручение.

Но, беспрекословно выполняя приказ первого консула, Фуше не прекращал розысков организаторов взрыва на улице Сен-Никез. Реаль, как известно, в прошлом один из самых «крайних», кипел желанием реабилитировать своих бывших собратьев, по меньшей мере, умалить их вину и ответственность. Он пришел на помощь Фуше: в конце концов, у бывшего кордельера и бывшего эбертиста могли быть совпадающие интересы. С помощью Реаля Фуше напал на след истинных организаторов взрыва «адской машины». Покушение было подготовлено и осуществлено могущественной разветвленной роялистской организацией, уже год охотившейся за Бонапартом. «Адскую машину» непосредственно подготовил Сен-Режан, роялист, инженер, человек, близкий к Жоржу Кадудалю. Сначала был арестован Карбон, сообщник Сен-Режана, затем в плювиозе был взят главный организатор взрыва «адской машины».

Фуше предоставил первому консулу все доказательства, все улики и дал возможность самому разобраться во всех обстоятельствах дела. Следствие раскрыло картину почти безнаказанной, предельно дерзкой деятельности роялистов во Франции, и в особенности в Париже. Как уже говорилось, с весны 1800 года роялисты начали облаву на первого консула. Ее цель была определена вполне точно: с того часа, как в штабе партии претендента удостоверились в том, что Бонапарт не намерен быть «Монком белых лилий», было решено его убрать.

После неудачного заговора роялистов, взрыва на улице Сен-Никез, Бонапарт требует суровых мер в отношении якобинцев, совершенно непричастных к покушению на первого консула. Наполеон требует составления проскрипционных списков якобинцев и их изгнания из пределов Франции. На заседании Государственного совета возражали против списка, составленного Фуше, его члены Трюге, Реаль и даже совсем не либеральный Тибодо. Еще на этом заседании Реаль и другие выдвинули свои возражения, оспаривая составленный Фуше список лиц, подлежащих «депортации». По сообщению Демаре, вероятно, со слов самого Реаля, между ним и Наполеоном произошел весьма примечательный диалог. Реаль, сам активный брюмерианец, сыгравший решающую роль в расследовании и выяснении всех обстоятельств взрыва на улице Сен-Никез, на реплику первого консула, недовольного тем, что не все были высланы: «Кто же составил эти списки? В Париже осталось еще достаточно этих неисправимых анархистов Бабефа», заявил Бонапарту: «И я был бы в этом списке как защитник Бабефа и его единомышленников на Вандомском процессе, если бы не являлся членом Государственного совета». Как мы видим, славное «бабувистское» прошлое в ряде случаев дорого

обходилось будущему графу Империи. Наполеон, не доверяя Фуше и убедившись, что министр полиции не всемогущ и не может держать под контролем всю страну, он создает «суперполицию», или контрполицию, во главе с Жюно, затем Савари и Реалем, которым было поручено наблюдать за Фуше. Деятельность этой неофициальной структуры во многом нейтрализовала влияние Фуше.

Пьер-Франсуа Реаль все больше входил в фавор — это заметили все, и это многим представлялось тем более удивительным, что прошлое гражданина Реаля было не менее «подмочено», чем прошлое гражданина Фуше. Общественный обвинитель в революционном трибунале и заместитель прокурора Коммуны во времена якобинцев, защитник левого якобинца Каррье, а потом и Бабефа на Вандомском процессе, он, однако, сумел вовремя переориентироваться и стал, как мы уже знаем, одним из тех, кто активно содействовал перевороту 18 брюмера. Наполеон не забыл этого. Он оценил трезвый ум Реаля, его умение разобраться в сложной ситуации — ведь именно Реаль сыграл основную роль в отыскании истинных виновников дела «адской машины» — и уверовал в его преданность. По всем важным внутренним проблемам он неизменно советовался с Реалем. Именно Реаль способствовал падению Фуше и упразднению министерства полиции после заключения Амьенского мира в 1802 г. Герцогиня Д'Абрантес, жена генерала Жюно, близкого друга Наполеона, который вместе с Реалем возглавлял контрполицию, воспроизвела в своих мемуарах следующий, весьма примечательный диалог:

«— Как вы думаете, — задал Бонапарт вопрос, едва Реаль ступил за порог кабинета, — что делают с министром, который не выполняет своих функций?»

— Его увольняют, — не задумываясь, ответил Реаль.

— А что делают с министерством, если оно оказывается бесполезным?

— Его упраздняют. Есть прекрасный выход, и вы сами нашли его, гражданин первый Консул. Надо реорганизовать министерство полиции. К чему оно, если есть министерство юстиции, министерство внутренних дел? Упразднив ненужное министерство, вы вполне безболезненно отделаетесь и от министра... — Реаль улыбнулся. — Его даже можно наградить...

— Вы понимаете меня с полуслова, Реаль. А кому можно доверить верховные полицейские функции? — задал Наполеон следующий вопрос.

— Полагаю, Ренье, министру юстиции — ответил Реаль.

— Согласен. Но при условии, что общий надзор останется за вами; вы уже оказали мне на этой стезе ряд важных услуг и впредь будете их оказывать.

Реаль слегка поклонился.

— Я всегда готов служить... — он чуть было не сказал «республике», но вовремя поправился: — Вам, гражданин первый Консул».

Реаль, жестоко расправившись с роялистами, в то же время стремится облегчить участь бабувистов и предлагает перевести заключенных в более легкие условия содержания, а Буонарроти отправить на остров Эльба, до которого он, впрочем, в силу сложившихся обстоятельств не добрался.

Совет Реаля возымел действие. У Наполеона было достаточно веских причин, чтобы не удерживать слишком предприимчивого министра полиции. 26 фрюктидора X года (13 сентября 1802 года) было объявлено о ликвидации министерства полиции.

Внутриполитические дела, в которых он активно принимал участие, не ограничивались борьбой с оппозиционными движениями. Экономика неожиданно стала важным фактором в деятельности государственного советника

Реаля как одной из ключевых фигур министерства внутренних дел, в круг обязанностей которого входило не только поддержание правопорядка, но и регулирование всех сторон жизни общества. Весной 1801 г. во Франции произошло резкое возмущение хлебом. Вновь на дорогах страны стали разыгрываться сцены грабежей и насилия, весьма напоминавшие последние годы режима Директории. В Париже было неспокойно. На улице Сент-Оноре подвергся нападению обоз с продовольствием. Необходимо было принимать срочные меры, не посвящая общественное мнение в суть происходивших проблем.

Первый консул после непродолжительного колебания пригласил в Тюильри 27 ноября 1801 г. министров полиции и внутренних дел, четырех государственных советников: Крете, Дефермона, Редерера и Реаля, а также префекта полиции Дюбуа. Прессе было велено хранить молчание: «Голод — это такая тема, на которую никому не дано говорить с народом безнаказанно» — выразил всеобщее мнение министр внутренних дел Шапталъ. На государственных советников, и в их числе на Реаля, возлагался надзор за пятью банкирами, которым поручалось доставлять в Париж от сорока до пятидесяти пяти тысяч центнеров зерна ежемесячно. Вскоре их сменила компания, основанная финансистами Увраром и Ванлербергом. Усилиями Реаля и Шапталъ продовольственную проблему удалось благополучно разрешить.

Как доверенное лицо Наполеона, Реаль выполняет ответственные поручения Бонапарта, имеющие высокую степень государственной важности. Роялисты, убедившись в невозможности скорой реставрации монархии, стремились убить первого консула. Террористическая группа орудовала в Париже с лета 1803 г. Но только в январе 1804 г. (благодаря усердию Реаля) удалось узнать имена. На допросе один из второстепенных членов группы, некто Керел, заявил, что во главе ее находится сам Жорж Кадудаль. Бонапарт немедленно, минуя министра юстиции Ренье, проглядевшего дело, поручил расследование своему любимцу Реалю. Ж. Тюлар полагал, что это вселило ужас в полицейских, деморализованных упразднением министерства Фуше. Известный французский историк считал, что возглавивший полицейское ведомство председатель Верховного суда Ренье и ассистировавший ему государственный советник Реаль значительно уступали своему бывшему коллеге. Если в отношении Ренье с Ж. Тюларом можно согласиться, то Реаля он, на наш взгляд, несколько недооценил. Полиция Реаля работает в полную силу. Он выполнил возложенное на него поручение. Он не сумел пока разыскать Кадудаль, но арестовал его ближайшего помощника Буве де Лозье. 13 февраля Реаль доложил Бонапарту результаты розыска: террористов около пятидесяти человек, Кадудаль и его люди переброшены в Бивиль на английском судне, головорезы главного шуана готовы на все и ожидают возможность либо похитить Бонапарта на пути в Мальмезон, либо его убить. Вместе с Кадудалем действует Пишегрю, сумевший сбежать из ссылки; и он, и Пишегрю тайно встречались с Моро. Эта важнейшая и наиболее приятная из всего неприятного новость, которую государственный советник сообщил своему хозяину. Бонапарт молча слушал Реаля. А. З. Манфред мастерски воспроизводит психологическое напряжение, царившее в тот момент в кабинете первого консула: «Когда тот закончил, он отошел в сторону и быстрым жестом перекрестился. Он не был верующим человеком, и это инстинктивное движение, сохранившееся с детских лет, показывало, как он был взволнован рассказом Реаля». Три дня Бонапарт обдумывал сообщенное ему Реалем.

Полиция Реаля действовала с отменным усердием, но до поры до времени безуспешно. Реаль и Мюрат казалось, перевернули Париж верх дном, но никого не нашли. Но 27 февраля был схвачен Пишегрю, и, наконец, 9 марта

опознанный на перекрестке Одеона в кабриолете, после ожесточенной схватки был арестован Кадудаль. После раскрытия роялистского заговора Пишегрю – Кадудаль в феврале – марте 1804 г., целью которого, как выяснилось на допросах, было физическое устранение первого консула, следствие по этому делу Наполеон поручил, как и предполагалось, своему самому доверенному лицу – бывшему заместителю Шометта. Еще не зная об истинных масштабах заговора, в который были замешаны король эмигрантов Людовик XVIII и принцы крови, Бонапарт был близок к истине, когда после первого, потрясшего его доклада Реаля, в заключение беседы сказал: «Реаль, вы еще слишком многого не знаете». Реаль приложил все усилия, чтобы до конца распутать сложное дело и использовать его результаты так, чтобы они были выгодны его патрону. Заодно с разбушевавшимися шуанами Наполеон стремился устранить одного из главных своих соперников, генерала Моро, победителя австрийцев при Гогенлиндене, пользовавшегося республиканской репутацией, своего личного конкурента. Ночью 15 февраля 1804 г. Моро был арестован и... обвинен в участии в заговоре роялистов и англичан! Утром 16 февраля жители французской столицы из свежего номера «Moniteur» узнали, что накануне ночью был арестован у себя на квартире генерал Моро, любимец фрондерских салонов. Реаль был одним из организаторов политического процесса против Моро и обеспечивал полицейский порядок в столице. Когда процесс начался 1 июня 1804 г., то первый консул распорядился в этот день закрыть заставы столицы и назначил Мюрата военным губернатором Парижа. Вся полиция перешла в подчинение к Реалю, и дворец юстиции, где проходили судебные заседания, взяли под свою охрану шесть тысяч солдат, которыми командовал Савари. Сам Наполеон, опасаясь покушений, уехал вместе с Жозефиной в Мальмэзон. Председатель суда Эмар требовал сурового наказания Моро как лидера республиканской оппозиции; Реаль, также являвшийся членом этого беспрецедентного судилища, полностью разделял мнение председателя. Но Моро был фактически оправдан. Итак, Реаль, фактический организатор и вдохновитель процесса, мало чем напоминающего событие, вызвавшее непритворную возвышенность чувств, испытанных им в Вандоме, потерпел оглушительное поражение. Согласно историку Э. Доде, подробно изучившему материалы процесса, после вынесения оправдательного вердикта Моро, Эмар вместе с Тюрио отправился в свой кабинет, где находились Реаль и Савари; Савари им сказал: «Если Моро оправдают, республиканская партия захочет победить». Но Моро не нашел в себе сил для дальнейшей борьбы, и оппозиция временно перешла в глубокое подполье.

Процесс, тем не менее, имел и положительные результаты для новоиспеченного императора французов. В результате следственной деятельности Реаля, Кадудаль и ряд его сообщников, покушавшиеся на жизнь первого консула, были казнены. Но Бонапарт до приведения приговора в исполнение, пытался привлечь на свою сторону Кадудаль; по существующей версии, через Реаля, он предложил при условии, что тот попросит полное помилование, для начала полк под его команду. Кадудаль ответил на это предложение Наполеона, переданное ему его сыщиком, тюремщиком и фактическим палачом, площадной бранью. Пишегрю удавился в тюремной камере. Моро, которого Реаль сумел впутать в ряды роялистов, был осужден на два года, которые под давлением общественности были заменены изгнанием. Реаль и Наполеон совместными усилиями выдворили Моро из Франции подальше, в Соединенные Штаты.

В инспирированном главными министрами Наполеона, Талейраном и Фуше, незаконном аресте и процессе герцога Энгиенского, находившегося в Бадене, на территории нейтрального государства, Реаль сыграл важную роль.

Основной целью наполеоновских министров, отъявленных негодяев и беспринципных лгунов, было укрепление режима Бонапарта с целью не допустить компромисса с монархическими кругами и сделать возможным закрепление результатов революции таким кровавым образом. Арестованный 13 марта 1804 г. герцог Энгийенский прибыл в Венсеннский замок 20-го. В этот же день Реаль, в тот момент один из крупных чинов полиции и довереннейшее лицо генерала Бонапарта, расследовавший мнимый заговор незадачливого принца из дома Бурбонов, предупредил Мюрата: «Генерал, по распоряжению первого консула герцог Энгийенский должен быть препровожден в Венсеннский замок, где все приготовлено, чтобы его принять. Вероятно, он прибудет туда этой ночью. Прошу распорядиться о мерах, обеспечивающих надежность его охраны как в Венсенне, так и по дороге в Мо, по которой он последует. Первый консул приказал хранить в строжайшей тайне имя заключенного и все, что с ним связано. Он следует под именем де Плесси. Прошу вас со своей стороны отдать все необходимые распоряжения, чтобы приказ первого консула выполнялся с точностью».

Ж. Тюлар полагает, что Реаль, возможно, доставил Мюрату и другой важный документ, и к выше цитируемому письму прилагается (или последовал тотчас за ним) указ первого консула, предусматривающий, что герцог незамедлительно предстанет перед военной комиссией и подвергнется суду как зачинщик «заговора, направленного против внутренней и внешней безопасности Республики».

Вскоре Реаль по непосредственному распоряжению императора французов был назначен одним из четырех государственных советников, прикрепленных к министерству полиции, поскольку дело «Моро-Кадудалья» стало веским основанием для реставрации сыскного ведомства. 18 июля 1804 г. читатели «Moniteur» прочли в газете, что «сенатор Фуше назначается министром полиции.... министерство полиции восстанавливается».

Буржуазия, пострадавшая в свое время от революционного террора, с трудом переносила усиление полицейского гнета имперской власти. С возвращением Фуше на набережную Вольтера деятельность полиции стала устрашающе эффективной. Фуше разделил свое ведомство сначала на три, затем на четыре департамента, которые возглавили государственные советники: Реаль, Пеле де ла Лозер и префект полиции Дюбуа. Демаре была поручена служба безопасности, призванная своевременно распутывать интриги и заговоры.

Глава «суперполиции» и личный друг императора не забывал о своем кордельерском и якобинском прошлом и сочувствовал парижским рабочим, которые пытались возродить формы профсоюзной организации, схожие с кампюнажами, и защищал санкюлотов вместе с префектом парижской полиции Дюбуа от произвола хозяев. Реаль, один из полицейских боссов, призывал к сдержанности: «Компаньонажи как разновидность масонства, существовали с незапамятных времен. Не надеясь уничтожить их в зародыше, я, насколько это в моих силах, постараюсь предотвратить пагубные последствия их деятельности». А что еще он мог предложить? Тем более, что многие из этих компаньонажей, не выдвигая политических требований, изошли во взаимных упреках. Отсюда — известное попустительство со стороны полицейских властей, возглавляемых Реалем, если не в Париже, то в провинции.

Реаль в течение длительного времени наблюдал за парижской полицией. «Золотой дождь», обрушившийся на ведущих сановников империи не миновал и Реаля. В 1808 г. он получил титул графа, став одним из многочисленных представителей т. н. «дворянства империи». Бывший заместитель Шо-

метта, бывший кордельер, защитник Каррье и бабувистов весьма гордился своим высоким положением и звучным титулом. Но ради справедливости нужно отметить, что не только он, но и многие бывшие санкюлоты стали баронами, графами, герцогами, а один умудрился стать даже королем....

Однако, в 1810 г. Наполеон снова уволил своего незадачливого министра с его поста. Причиной к этому послужила проявленная им активность в отражении английского десанта в Вальхерне (Голландия) и попытки вести мирные переговоры с Англией за спиной ничего не знавшего императора. Фуше, прежде чем покинуть канцелярию министерства, уничтожает ценные документы, касающиеся важнейших каналов связи министерства, и списки тайных агентов, а также наводит полнейший беспорядок в общей документации. Император неоднократно посылает к нему его бывшего сотрудника Реаля, чтобы потребовать возврата документов новому законному владельцу – Савари. Вместе с Реалем опального министра полиции посещают Бертье, Дюбуа и другие эмиссары французского императора. Сломленный Фуше в конце концов возвращает лишь сохранившуюся переписку с Наполеоном, поскольку другие документы он сжег ранее.

Экономический кризис, поразивший Империю в 1810-1811 гг., вызвал волнения в ряде французских департаментов, которые были подавлены полицией. Реаль по поручению Бонапарта в апреле 1811 г. жестоко подавил вспыхнувшие в Голландии бунты.

После неудачного похода Наполеона на Россию и поражения «великой армии» у республиканской оппозиции появилась возможность свергнуть режим личной власти Бонапарта. Республиканские офицеры, члены тайного общества «филадельфов» во главе с генералом Мале (он пытался восстановить во Франции Республику еще в 1808 г., в то время, когда Наполеон завяз в Испании), бежали из заключения и объявили о гибели Бонапарта в России. Инсургенты планировали образовать Временное правительство во главе с Моро, который должен был стать президентом. На пост вице-президента намечали Карно. В ночь с 22 на 23 октября 1812 г. заговорщики начали действовать. Префект департамента Сена, сенатор Фрошо, не разобравшись в ситуации, поддержал мятежников и принял предложенный ему пост в правительстве. Помимо непосредственного захвата власти, республиканцы планировали нейтрализовать представителей исполнительной власти, верных Бонапарту, и прежде всего министра полиции Савари.

Арест любимого чиновника Наполеона входил в непосредственные планы заговорщиков. Но Гидаль, один из друзей и ближайших сподвижников Мале опоздал с арестом военного министра Кларка, который сумел скрыться у государственного советника графа Реаля, одного из самых опасных бонапартистских чиновников.

Савари, министр полиции, уже под арестом принял меры, чтобы известить о грозящей опасности своего коллегу по Государственному совету, верного товарища по бонапартизму. Герцог Ровиго оставил об этом свидетельство в своих мемуарах: «Пока я несколько медленно одевался, один из моих секретарей, бывший пехотный офицер, смешался с толпой, наполнившей комнаты. Я подал ему знак, чтобы он остерегался ареста и громко сказал:

— Пройдите к моему соседу и скажите, чтобы он не волновался, со мной ничего плохого не случилось.

Он понял с полуслова и побежал к графу Реалю, государственному советнику, который жил рядом, потом они вдвоем предупредили военного министра и канцлера».

Особняк Реаля находился недалеко от резиденции герцога Ровиго, на углу улиц Сен-Пер и Лилль, из своих окон граф мог видеть дворец мини-

стерства полиции. Утром, услышав необычный шум и подойдя к окну, он с удивлением наблюдал за тем, как министерство окружают отряды парижской гвардии. «Цепной пес» императора, выяснив, что оказался случайно свидетелем государственного переворота, скрылся из своих апартаментов, покинув дворец через черный ход. Неофициальный глава парижской полиции стремился найти в городе верные императору части, и решил установить контакт с командованием столичного гарнизона.

Реаль, благодаря своей ловкости, избегнул опасности ареста и отправился в штаб 1-й дивизии внутренней армии, чтобы принять меры по восстановлению общественного порядка. Мале, прибывший туда ранее, был опознан бонапартистски настроенными офицерами, не поверившими в смерть своего императора, и арестован. В тот момент, когда жандармы волокли связанного Мале на балкон, к подъезду подъехала карета, из которой вышел граф Реаль. У дверей он был задержан солдатами, когда он назвал себя и свой титул, то лейтенант Лефевр гордо ответил: «Графов больше нет!». Эта фраза, зафиксированная в полицейских протоколах, весьма характерна для настроения солдат и офицеров, которые радостно приветствовали восстановление республики, не зная, может быть, что они участвуют в государственном перевороте. Заговор провалился, Мале и его товарищи были расстреляны.

Реаль настаивал на тщательном расследовании всех обстоятельств заговора. В этом его поддерживал военный министр Кларк, герцог Фельтрский. Но Савари, предвидя реакцию императора, решил не придавать дело широкой огласке, не устраивать громкий политический процесс и ликвидировать лидеров заговора до возвращения Наполеона. Победила точка зрения Савари. После возвращения во Францию император 22 декабря 1812 г. созвал Государственный совет, куда входил префект Сены граф Фрошо. Реаль, пользовавшийся полным доверием Наполеона, прочел доклад, в котором изложил суть дела. Затем Реаль и Бонапарт обрушились на Фрошо как на человека, посягнувшего на устои Империи и династии. Он был снят со своей должности.

В период «ста дней» Наполеон доверил министерство полиции Фуше, перекинувшемуся к нему в последний момент, вместо того, чтобы вернуть на должность верную ищайку Савари. Своего любимчика Реаля вернувшийся император назначил официальным префектом полиции в Париже, чтобы контролировать интриги Фуше. Но все эти усилия были напрасны. Изворотливый министр полиции вновь предал и продал императора.

Подводя определенные итоги последнего и наиболее важного этапа жизненного пути Реаля, нужно отметить, что он, как правило, находился в тени более выдающихся и более беспринципных людей, входивших в ближайшее окружение Наполеона, составлявших блеск и позор режима одновременно, но исправно выполнял возложенную на него работу и верно служил своему удачливому шефу. Подобно гладиатору, Реаль выходил на арену тогда, когда его более известные и титулованные коллеги пасовали перед чрезвычайными обстоятельствами и были не в силах разрешить сложную ситуацию. Прирожденный оппортунист, по своим жизненным принципам не склонный в течение длительного времени придерживаться какой-либо стороны, он, в отличие от своих великих и известных всему миру, но непостоянных коллег по бонапартизму, Фуше и Талейрана, сохранил верность династии и своему императору. Его роль, как свидетельствует его активная деятельность, в становлении и укреплении бонапартистского режима чрезвычайно велика, хотя внешне малозаметна. Наполеон не забыл о нем даже в своем завещании, оставив внушительный наследственный дар.

Вторая реставрация, окончательно похоронившая надежды Бонапарта на восстановление Империи, заставила его удалиться от дел. По закону 1816 г. он должен был покинуть Францию, но в 1818 г. был прощен и вернулся в Париж.

В заключение следует отметить, что графа Реаля необходимо рассматривать как рядового, но весьма характерного представителя прослойки классических чиновников — бонапартистов «среднего звена», подобно Редереру и Тибодо, поражавших современников своей собачьей преданностью Наполеону. Внешне малозаметные, все эти люди до поры до времени обеспечивали бесперебойное функционирование колоссальной машины Первой империи.

ANNOTATION

Cette publication «Pierre-Francois Real, qui etait le defenseur des babuvistes et le compte de l'Empire: une histoire de la personne ordinaire pendant l'epoque de la Grande Revolution» eclaire l'activite du homme considerable de la Grande Revolution, de l'epoque du Consulat et de l'Empire, qui etait proche ami politique selon la situation difficile, complexe et changeant dans la pays. Au printemps et ete de 1792 Real a raille girondins, il visitait leurs salons, entretenait les relations amicales de Napoleon avec les representants de «la fraction d'ordre». Ensuite, il a joint a jacobins, a devenu le member. Il etait l'omme actif depuis premieres jours de la Revolution. Real etablissait sa position du club des Cordeliers, il jouissait de la protection de Danton. Pendant la dictature des comites gouvernementals. Real avait une place du adjoint du procureur-syndique de la Commun Parisienne. Au printemps 1794 il a ete arrete comme dantonist et delivre aprcs la revolution de 9 termidore seulement. Pendant la reaction termidorienne et la Directoire Real faisait du journalisms activement, se produisait avec success dans le process politique; il defendait les politicians differents des extremes droites publicists et royalists, comme Coratain et Lacrois a extreme gauche, comme «le bourreau nantais» Carrier. Dans le proces Vandome Real a ete d'accord volontairement de defender Babeuf et ses compaghons; et a mon avis, notamment a cause de sauver beaucoup des babuvistes de la execution capitale et la reclusion longue. Ensuite Real a participoe activement a la Revolution de 18-19 brumaire. Le proche compaignon de Napoleon ayant la place important dans le Ministere de la Police, realisait les missions plus secretes et honteuses de s'empereur. En 1808 il a pris le titre du compte et la grande rente pecuniaire. Napoleon n'a pas oblie son fonctionnaire fidele et lui laisse la grand heritage.